

БИБЛИОТЕКА

**ОГОНЁК**

№ 38

1966



*Павел МАТЕВ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА»  
МОСКВА

**СИГНАЛЫ СЕРДЦА**



Павел МАТЕВ

# СИГНАЛЫ СЕРДЦА

СТИХИ

*Перевод с болгарского*

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1966

## Павел МАТЕВ

Болгарский поэт Павел Матев родился в 1924 году в селе Оризово, Старо-Загорского округа. Начальное образование получил в родном селе, высшее — в Софийском государственном университете. Начал печататься в 1947 году. В 1951 году вышел первый сборник стихов «В строю». В последующие годы были изданы его поэтические книги «Ясные дни» (1953 г.), «Долг» (1955 г.), «С верой в людей» (1959 г.), «Человеческая тревога» (1960 г.), «Время, родина, любовь» (1962 г.), «Родословная» (1963 г.), «Чайки отдыхают на волнах» (1965 г.). За книгу стихов «Чайки отдыхают на волнах» поэт удостоен в Болгарии Димитровской премии.

Стихи Павла Матева переведены на пятнадцать языков во многих странах. На русском языке его произведения печатались в журналах «Огонек», «Иностранная литература», «Знамя», «Октябрь» и других.

Павел Матев — общественный и государственный деятель Болгарии. Он был секретарем Союза болгарских писателей, главным редактором литературного журнала «Септември». В настоящее время Павел Матев — председатель Комитета по культуре и искусству Народной Республики Болгарии.

---

## **ЗЕМЛЯ**

Земля моя просторна и открыта,  
дождь сек ее, жара нещадно жгла,  
ее топтали конские копыта  
и рожь ласкала нежно, как могла.

Я эту землю черную целую,  
я рву цветы в долине между скал,  
где прадед выбрал долю удалую  
и навзничь от турецкой пули пал.

Земля, ты знаешь слезы и печали,  
морщины бороздят твое лицо,  
но космонавты на тебя ступали,  
как будто на родимое крыльцо.

Какую силу та земля скрывает,  
когда она, кудесникам под стать,  
в свои объятия павших принимает  
и продолжает жить и побеждать!

## **ИСПОВЕДЬ**

О Родина!  
Пусть мое имя тебе  
о многом не говорит.  
Я жил, оставаясь в твоей судьбе  
звездой, что неярко горит.

Я видел пожарища горестный дым,  
я видел, как пепел кружил.  
Я жил твоей радостью, горем твоим,  
победами, бедами жил.

Меня на Балканы орел поднимал,  
где ветер бурлив и свиреп.  
Я звукам гайдуцкой печали внимал,  
и голос мой песенный креп.

О Родина!  
Прожиты годы не зря.  
Пусть в мире не станет меня,  
я верю, что высохнет прошлого грязь  
на солнце грядущего дня.

И пусть неизвестность и мне суждена  
и песне негромкой моей —  
ведь реки теряют свои имена,  
когда достигают морей.

### У ОТЦА

Тихо здесь. Нет жизни. Тишина.  
Только белый камень да ограда.  
Облаков унылая стена.  
И везде, куда ни брошу взгляда,  
памятники... Папа, где же ты?  
Подымись. Пойдем домой, пожалуй.  
Ждут тебя соседи и сваты  
в армяках, в онучах, при кинжалах.  
Скрипка, что давно уже молчит,  
радостно рассыплет сотни звуков.  
Ты споешь нам, как водил Момчил  
по Балканам молодых гайдуков.  
Добрый мой и бедный мой отец,  
жил ты трудно и одет был худо,  
но зато, как сказочный ларец,  
раскрывал нам молодость да удаль...

Ты молчишь... Пойду. Уже в огне  
небо над соседнею горою.  
Ты нередко думал обо мне,  
и теперь я думами с тобою.  
Кровь твоя течет в моей крови.  
Посуровел я, прошел сквозь грозы.  
Но от нежности и от любви  
у меня текут по-детски слезы.

\* \* \*

Я в эту ночь окинул взором путь  
и разглядел потери, и успехи,  
и песни, растревожившие грудь,  
и нежеланные утехи.

Неверный свет нет-нет да иногда  
меня обманет где-то в полумраке,  
но с главного пути я никогда  
не отступлю, как в марше иль в атаке.

А кто-то, от довольства сыт и пьян,  
вдруг спросит:  
— Все окончилось, конечно?  
О революция!

Ты — мой священный храм,  
прекрасна страсть твоя и бесконечна!

Пускай несет меня в потоке дней  
стихия песни, славы и забвенья,—  
я отдохну, как чайка на волне,  
и потому мне радостно волнение.

А если вдруг погаснет голос мой,  
утихнет страсть и оборвутся строфы,—  
ну что же, и со звездами порой  
бывают катастрофы.

### **ПОГИБШИМ РЕМСИСТАМ**

Память, ты снова на испытанье.  
Все, что ты знаешь, перескажи!  
Слышу предсмертное их дыханье,  
слышу душою зов их души.

Были у храбрых свои обряды.  
Кто освятил их и кто их ввел?  
С песнями, не ожидая пощады,  
шли на виселицу и на кол.

Шли и пели мои погодки,  
пел отчаянный тезка мой.

Снова вижу их шумные сходки  
и поредевший ремсистский строй.

Ветер веял — любви не развеял.  
Дождь омыл их — крови не смыл.  
Все отчетливей и живее  
слышен голос из братских могил.

Сгустки крови, как сгустки нови.  
Им не трубила славу труба.  
Только истиной дел и крови  
мерилась славная их судьба.

Жег, как уголь, горячие руки  
красных и ярых листовок жар.  
В первые встречи вторгались разлуки,  
в первые ласки вторгался пожар.

Но, как орлы, не требуя ренты,  
в вечность падали с горных круч.  
И, погибая, рождали легенды.  
И возникали снова, как луч.

## **МАТЬ КОММУНИСТА**

Резцом и кистью обессмерть, художник,  
мать у тюремных замкнутых ворот.  
Она стоит. Шумит осенний дождик.  
Она стоит. Нещадно солнце жжет.

Она стоит, согбенная, в молчанье,  
в потертом платье, выцветшем платке...  
Я принял бы ее за изваянье,  
когда б не эти слезы на щеке.

\* \* \*

Голос во поле нежен,  
чисто песня звучала,  
как герой был повешен,  
а сердце стучало;



как юнаку в злой сече  
голову отрубили,  
но мятежные речи  
тем клинком не убили.

. . . . .  
Ничего мне не страшно,  
никакие удары,  
если смерть так отважно  
воспевают болгары.

## ПАРОЛЬ ЭПОХИ

*Иракским коммунистам посвящая*

В реках  
Нашего века.  
Текущих широко,  
Снова кровь  
И кровавая пена.  
— Коммунисты, тревога!  
И сердце  
По нервам-антеннам  
Уловило эпохи пароль:  
Дальний-дальний  
Полуночный выстрел.  
На душе  
Угрызения совести, боль,  
Что вчера еще  
Был легкомыслен.

Там,  
Где ночь  
Горячает от пуль,  
Где взорвался снаряд  
Потрясенного времени,  
Гибнет красный патруль,  
Выскользая ногой  
Из арабского стремени.  
Там,  
Где Шехерезада  
Рассвет стерегла,

Дивной небылью нежа  
Усталые души,  
Снова красная кровь потекла  
Самых лучших  
Из лучших.

Кровь течет,  
Кровь кипит  
На извечном огне,  
В реках века,  
В пустынях Востока,  
И сигналият сердца  
На жестокой волне:  
— Коммунисты, тревога!

## **НЕИСКРЕННИЕ**

С неискренними нам не по пути.  
Им места нет среди стальных и жестких.  
Они хотят на темных перекрестках  
нам проволокой ноги оплести.

Им выгода своя лишь дорога.  
Они пойдут, пожалуй, с нами в ногу,  
чтобы кого-нибудь исподтишка  
припрятанным бичом ожечь жестоко.

Неискренность, нам не по пути!

## **ЖЕЛАНИЕ**

Покой—как будто смерть для сердца и души:  
живешь себе в тиши, и счастья нету.  
Слепая жизнь всегда подобна лжи,  
и нет в твоих глазах тепла и света.

Но я живу. И в четырех углах  
страдать, бороться и мечтать мне тесно.  
Как тяжело жить в четырех стенах,  
на свете, видно, каждому известно.

Я бы хотел быть острием штыка,  
и солнечным лучом в пространстве синем,  
и бурей, что пришла издалека,  
во всем ее могуществе и силе.

Хотел бы быть весеннею травой,  
пером могучим в крыльях у орлицы.  
И тенью, чтобы кто-то с головой  
во мне мог, окунувшись, освежиться.

Я бы хотел, скажу вам честно, быть  
дорогою великого похода.  
Хотел бы красным знаменем светить,  
что стало нынче знаменем народа.

### **ПРЕДСКАЗАНИЕ**

На ясном небе  
вспыхнет вдруг комета —  
и он родится,  
явится на свет,  
тот долгожданный,  
тот поэт поэтов,  
великий  
неизвестный нам поэт.

И у поэтов нынешних возьмет он  
по лучшему мотиву одному,  
и вот,  
оставив мелкие заботы,  
с волненьем будем мы  
внимать ему.

Взглянуть на мир светлее и иначе  
он нам поможет песнею своей.  
И мир  
нам вдруг покажется богаче,  
свежее, интересней и новей.

И все пойдем,  
и все представим разом мы,  
что нам любые грозы по плечу.

Узнаем мы, что чувство есть у разума,  
увидим мы,  
что разум есть у чувств.

И каждый  
в жизнь влюбленный беспредельно  
узнать, конечно,  
будет очень рад,  
что даже птицам,  
раненым смертельно,  
все снится,  
снится,  
что они летят!

Всего один поэт.  
Одна вселенная.  
Но столько в мире будет новостей:  
пути ракетопланов межпланетные,  
борьба и состязанье скоростей!..

И все же будут тайные стремленья  
и неосуществленные мечты,  
в умах, в сердцах  
неясные волненья...  
Поэзия!  
Так вот какая ты!

Поэзия!  
В твое святое царство  
вхожу я как хозяин, а не гость.  
Поэзия,  
живи и вечно здравствуй,  
чтоб нам на свете радостней жилось!

Там, вдалеке,  
за горизонтом синим,  
торжественно сияет твой венец:  
ты будешь красоты  
и веры символом,  
ты станешь сутью  
душ,  
вещей,  
сердец!

## ЗАВЕРЕНИЕ

Рабочие!  
По зову долга  
я с вами в шуме новых дат.  
не волен  
даже ненадолго  
оставить синемлузый ряд;  
я с вами поровну изведаль  
и смерть,  
и кровь,  
и блеск штыков —  
дает нам каждая победа  
и братьев новых  
и врагов.  
Но я не только в день парада  
несу вам честную строку:  
труба —  
я шел на баррикады,  
гудок зовет —  
встаю к станку...

Наш мир  
переполняет грохот,  
он как литейный цех сейчас.  
И светит новая эпоха  
из ваших мужественных глаз.  
Хочу во всем  
принять участие,  
делить и радость  
и удар.  
Вы точно мне  
отмерьте счастье,  
проверьте трижды гонорар.  
Пусть будут дни  
черны и грубы,  
с дороги трудной  
не сойду.  
Пусть закушу  
от боли губы,—  
хочу шагать в одном ряду.

И мне дано немало,  
знаю,  
глаза друзей за мной следят.

И, как проверенный солдат,  
за этот мир  
я отвечаю.  
Нет, я от строя не отстану,  
я песнями вас славить стану.  
Погибну —  
строками своими  
они мое  
напомнят имя.  
Они живут  
не в тихой славе.  
Они не садик и крыльцо.  
Спросите:  
— Где товарищ Павел?  
Они ответят:  
— Налицо!

## **ПУТЬ КОММУНИСТОВ**

Путь был прямым, как дуло карабина,  
направленного партизану в грудь.  
И разве видел кто, чтоб сын орлиный  
от правды мог в испуге повернуть?

Когда его жандармы в час суровый  
жестoko выводили на расстрел,  
он песню пел, и шел, на все готовый,  
и палачам в глаза в упор смотрел.

А те, кто нивы скудные пахали  
у Странджы или у горы Пирин,  
второго сына молча собирали,  
чтоб павшего сменил их младший сын.

Так пахари моей родной равнины  
своим отважным сыновьям не раз  
вручали черной стали карабины,  
чтобы скорей ударил светлый час.

## **ПЕР-ЛАШЕЗ**

Так уж мир наш устроен —  
жизнь быстротечна.  
Но в нем есть и такое,  
что живо вечно.

Здесь, под небом Парижа,  
посеревшим  
от пыли,  
и сегодня живет живых  
не они ли?

Они знали удары  
и знамена,  
кровью омытые.  
Это все коммунары —  
расстрелянные,  
убитые.

Неподвластные страху  
не канут в Лету.  
Поклониться их праху  
пришли  
поэты...

Есть не грустные кладбища.  
В них  
бессмертье народа.  
Сама честь  
на посту  
тут застыла у входа.

Легендарное кладбище  
в строгости трезвой!  
Ты — митинг,  
созванный  
Марсельезой!

Облака в твоём небе  
от птиц крылаты.  
Бессмертный жребий.  
В строю солдаты.  
Не страшное тленье,  
не ленточек

шорох —  
тут дышит время,  
властвует  
порох.

Ну, а грянет  
сигнал,  
бой начнется  
окрест,—  
Париж,  
твой арсенал —  
это  
Пер-Лашез!

## ЛЕТО

Дождь прошел и скоро стал туманом.  
Чист и светел синий небосвод.  
Лето наступило очень рано.  
Осень неожиданно придет.

Тридцать мне, и это уж немало.  
Наступила лета благодать.  
Бились вихри черные, бывало,  
примешалась к ним седая прядь.

Вижу, как тяжелый медный колос  
клонится к земле и ждет косу,  
как травинка тонкая, как волос,  
никнет и сгорает на весу.

Солнце обожжет меня жестоко  
и подарит мне глоток воды.  
Но зато в душе моей глубоко  
созревают новые плоды.

Не трава я, и на склоне лета  
не поникну долу, слаб и слеп.  
Будут песни новые, и это  
говорит о том, что стих, как хлеб.



## ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Спишь уже. Устала. Тихо дышишь.  
На подушке белой голова.  
Ветер за окном листву колышет  
и врывается ко мне в слова.

Я не сплю. Я рядом. Я с тобою.  
Мы давно уж делим хлеб и соль  
и идем вдвоем от боя к бою —  
общие у нас любовь и боль.

Понимаем: яростное время  
нервы рвет, зовет на аванпост.  
Время долга и тревоги время  
заменяли беззаботный тост.

Если ж снова грянут испытанья —  
да не убоится их любовь,  
та, с разлуками и ожиданьем,  
чей словарь так строг и так суров.

Та, что делает нас трижды лучше.  
Та, что возвращает к жизни вновь...  
Выживем — возьмет любые кручи  
грозная и чистая любовь!

## ИНТИМНО

Темная ночь — неужели забуду?  
Тропка в лесу — и не сберегу?  
Листьев опавших багряную груды  
я и сегодня узнать смогу.

Вот скамья под кустом на затоне.  
К берегу тот же причален плот.  
До сих пор тепло той ладони  
согревает меня и ведет.

## СВАДЬБЫ

Свадьбы, как неизбежная доля.  
Все вы помните свадьбы свои...  
Тот молодку увел прямо с поля,  
этот—прямо со школьной скамьи;

и кого-то лукаво и дружно  
поздравляют друзья вразнобой...  
А с тобою, с моей непослушной,  
где мы свадьбу играли с тобой?

Свет луны вдруг такой незнакомый,  
помнишь ли этот свет на крыльце?  
Ты спросила ль, смущенная, дома  
о венчального злата кольцо?

Я не знаю, не знаю я ныне,  
у каких мы встречались прудов...  
Только помню я, как по равнине  
мчалась радуга в двадцать цветов;

только помню большие деревья,  
землянику в медовом краю  
и еще как, приехав в деревню,  
целовала ты маму мою.

## ПУТНИК

На крутых поворотах дороги,  
где прохладу хранят тополя,  
появились родные дороги,  
замелькали родные поля.

Маки жарко цвели и горели,  
пахло горьким настоем хвой.  
И, рассыпав тревожные трели,  
птицы прятались в гнезда свои.

Эй, не бойтесь! Я был вашим другом.  
Звонкий хор ваш меня позабыл.  
Много лет я не шел здесь за плугом,  
много лет по земле колесил.

Но теперь за приподнятой пылью  
вижу бедное детство опять.  
Как завидовал я вашим крыльям!  
Как хотелось мне с вами летать!

Так зачем вы скрываетесь, птицы?..  
И, туманом окутав хребты,  
горы грустной плывут вереницей,  
как несбывшиеся мечты.

И тревога меня подгоняет,  
и смущенье тревожит меня:  
ну, а если меня не узнают  
на селе земляки и родня?

Шепот поля вливается в душу  
ноткой ласковой, песней живой.  
И я вижу знакомую грушу,  
опушенную свежей листвою.

Мне выходит навстречу крестьянин,  
темноглазый, высокий, большой:  
— Что же ты на часок не присядешь?  
Что ж ты мимо идешь, как чужой?

Помнишь эту корявую грушу?  
Распушил ее юный апрель..  
Эх, Павлуша, Павлуша, Павлуша,  
груша знала твою колыбель!

Замолчал он и смотрит сурово.  
Как мне дорог его говорок!  
— На отца ты похож, право слово..  
Слышал, песни ты пишешь, сынок...

Ладно, ладно... Мы близкие люди.  
Будем жить. Будем снова дружить.  
Нелады мы с тобой позабудем.  
Ни к чему нелады ворошить...

И, счастливый, под старую грушей  
с ним прощаюсь. В горах уж темно.  
— Приезжай к нам почаще, Павлуша!  
Песне тоже ведь поле нужно...

Вновь дорога. Волнуется поле.  
В красных маках родная земля.  
И я слышу на милом приволье:  
— Песне необходимы поля!

\* \* \*

Ты ушла,  
как весна,  
словно снег,  
точно сон,  
ты ушла, как зима  
или дождь вдоль окон...  
Тень твоя над рожью молодой  
реет, как платочек голубой.

То ли шутка, печаль,  
то ли перепел во ржи...  
Бесконечная даль,  
ни души...

Тихо память ворошу,  
очи закрываю,  
никого не спрошу —  
сам припоминаю.

Птица падает в траву,  
в марево цветочной пыли...  
Ах, какую синеву  
мы когда-то здесь забыли!

\* \* \*

Утомленная жаждой река —  
как осеннее позднее счастье.  
Утопали ее берега,  
утопили безбрежные страсти.  
Стынет искорка южной звезды.  
Глохнет верба без листьев и трели.  
Только чувства мои  
и следы  
не истлели еще, не истлели.

Воды желтые трут берега,  
чья-то злоба клокочет: не мешкай!

Ты насмешкой любовь не пугай,  
этой поздней и глупой насмешкой.

Мне искусственный свет отмерцал.  
Отбросал я на ветер обеты  
и постиг, что иные сердца  
стоят меньше  
фальшивой монеты.  
Счастье, счастье!  
Тебя по-мужски  
осужу и прощу я однажды.  
Только те,  
что не знали тоски,  
ни любви не познали, ни жажды...

## ПЕСНЬ ЗЕМЛИ

Долго слушал я землю ночную.  
В тихой музыке не было слов.  
Убаюкав деревню родную,  
возникла она у холмов.

Звездный свод разгорался над миром,  
разливался в полях тишиной.  
И белела река за каиром  
под оранжево-белой луной.

Звуки плыли по низким покосам,  
где росой умывалась трава.  
Словно где-то скрипели колеса,  
словно плакала где-то вдова.

Словно милого сына искала  
безутешная старая мать  
и о том, что погиб он, не знала,  
продолжала аукать и звать.

И убитых поэтов дыханьем  
еле слышный дышал ветерок.  
И расплескивалась в тумане  
недосказанность прерванных строк.

О земля моя, ты схоронила  
много песен в глубинах своих,  
и твоя же бессмертная сила  
будит новых поэтов, живых.

\* \* \*

Тревожной полуночью порой  
ищу следы, которые остались,  
ищу пути, с которыми расстались,  
бреду, как половодье, молодой.

Ищу, ищу потерянные дни,  
воспетые ночными соловьями.  
Моей любви зеленые огни  
зачем-то стали синими огнями.

Рискует сердце в этот темный час,  
в глазах стоят грядущие дороги.  
Летят орлы и с желтизной в очах  
глядят на одинокие отроги.

А что их гонит? Расскажите, что?  
Любовный гнев, как пульс в крови орлиной,  
бросает их на черное плато,  
проносит над уютною долиной.

Слепая зона... Одиноко мчусь,  
лечу отчаянно и откровенно —  
пусть мое сердце в плотном слое чувств  
сгорит, как спутник, ярко и мгновенно.

## **СЕРДЦЕ**

Опять ты, сердце,  
взволновалось!

Опять ты, сердце,  
расхворалось!

И снова доктор над тобою:  
твои считает перебои.

И, улыбаясь очень мило,  
велит, чтоб меньше ты любило,  
чтоб меньше ненавистью билось,  
чтоб ты застолья сторонилось...

Но что,  
скажи,  
с тобой стрясется,  
когда не станешь ты бороться,  
когда устанешь быть ты верным,  
когда ты марш не грянешь первым,  
когда ты подлость не осудишь?..  
Тогда ты, знаю,  
мертвым будешь.

Так будь же  
до конца  
сурово,  
к боям и трудностям готово!  
Как точная кардиограмма,  
наш путь и грозен и велик:  
то вдруг тут вычерчена яма,  
то снова пик,  
как гордый штык!

## **ЗИМА**

Вот зима —  
пожарник в куртке белой.  
Осени приглашена листва.  
И моя лихая голова,  
видевшая много, побелела.

Побелели  
зданья и сады.  
Белизна  
на тернах и калинах.

Наши жены все уже  
седы.  
Белый снег  
в прическах у любимых.

Тихий звон стоит в лесах зимы,  
лось в снегу оттиснул след копыта...  
Младость-радость,  
все вокруг прими!  
Младость-радость,  
и меня прими ты!

Вновь мою свободу мне отдай,  
возврати  
холщовую рубаху.  
Верный рыцарь —  
хочешь, испытай! —  
за тобой пойду  
хоть и на плаху.

В дебрях, где, чернея стынут пни,  
выпусти зверей —  
пускай терзают.  
Все приемлю.  
В молодые дни  
умирая, люди  
воскресают...

Снег идет.  
И лишь, как сон души,  
наша юность может повториться.  
Снег идет.  
Играют малыши.  
Мысли пролетают, словно птицы.

Выйду.  
И пойду, прижмурив веки.  
Подышу в озябшую ладонь.  
Вон вдали виднеется аптека.  
Каждый встречный в белом, словно лекарь.  
Люди,  
люди,  
больно человеку.  
В сердце у него  
горит огонь!

## СПОР

Спорим мы.  
О книгах,  
о Китае,  
о металле,  
о самих о нас.  
И о том,  
чего нам не хватает,  
и о том, чего у нас — запас.



Сколько тем имеется для споров!  
Мир еще изъяснами богат.  
Хрипнем мы от этих разговоров,  
а враги, нас слушая, молчат.

Но начнет какой-нибудь невежда:  
«Тот виновен...», «Эта не права...» —  
вражья вмиг ожившая надежда  
эти зафиксирует слова...

Спорим мы.  
И так и дальше будет.  
Обижаться в спорах нет причин.  
Если завтра  
нас труба разбудит —  
вновь увидит враг:  
Н а р о д е д и н.

Переключку заведут радисты,  
«В путь!» —  
ударит колокола медь...  
Споры —  
многоликое единство.  
Общее молчанье —  
это смерть.

## ЛЕНИН

Опять апрель с ветрами дружит,  
пробились травы из земли;  
земля, как молодая, кружит,  
и сладко вишни зацвели.

Но отцветут цветы беспечно,  
и реки оборвут свой ход,  
лишь Ленин по России вечно  
с народом, как живой, идет.

И дело здесь совсем не в чуде,—  
оклихни, подойди к нему...  
В сердцах людей навеки будет  
Ильич наш, как в родном дому.

Живые, в жизнь его вникайте!  
Наш мир ничем не остудить:  
ушел он солнцем на закате,  
чтоб солнцем каждый день всходить.

## В ПОХОДЕ

В дерзновенных мыслях и волнениях  
яростно  
пылает наша страсть,  
всем указывая поколениям  
путь  
в коммунистическую власть.

Путь наш  
неизведанный, немеренный,  
путь —  
с него отважным не свернуть,—  
осененный  
светом и доверием,  
романтический и трудный путь.

Станции  
не названы пока еще,  
но дороги  
вдаль устремлены,  
где нас будущие  
ждут товарищи,  
наши речь и дружба  
им нужны.

Путь наш  
к звездам,  
к молодому месяцу,  
не страшна нам буря —  
мы тверды.  
Может быть,  
не суждено нам встретиться,  
только наши  
встретятся следы.

Там,  
за горизонтами истории,

там,  
на стрежне рек,  
на грани лет,  
на таких опасных траекториях,  
где еще  
дорожных стрелок нет.

Пусть  
не остывает вдохновение,  
пусть братаются  
мечта и страсть  
и берут равнение  
поколения  
на коммунистическую власть.

### ГЕРОЮ

*Вспыхнут звезды, коль станет темно...*  
*(Любимые слова погибшего партизана)*

Я стою у холма, примиренный,—  
ты не выйдешь, к тебе не войти.  
Как смогли на земле опаленной  
молодые цветы расцвести?

Разве дол, где трава вырастала,  
струи крови твоей не сожгли?  
Разве сердце твое не стучало  
сквозь целинную толщу земли?

Знаю я, что в минуты такие,  
когда жизнь не спасти все равно,  
ты припомнил слова дорогие:  
«Вспыхнут звезды, коль станет темно».

Помрачнело в равнинах знакомых,  
но, поверив, что счастье в бою,  
ты ушел из отцовского дома,  
чтобы выволить землю свою.

И погиб, молодой, окрыленный,  
в партизанской атаке давно,

но остался твой голос бессонный:  
«Вспыхнут звезды, коль станет темно».

Звезды вскинулись в синие дали,  
чтоб нам жить, и смеясь и любя,  
и хоть все они ярко сверкали,  
среди них я увидел тебя.

## **КОГДА РОЖДАЮТСЯ НАДЕЖДЫ**

Когда рождаются надежды,  
вновь оживает человек,  
и открывает веки-вежды,  
и зорко смотрит из-под век.

Он будущее ждет. Он слышит,  
как под землей поют ключи.  
И звезды ласковей и ближе  
горят в космической ночи.

И непролазные чащобы  
снимают грозный свой заслон.  
И солнце ночью всходит, чтобы  
прошел в незнаемое он.

Идет. Ведет его надежда  
прямой дорогой напролом  
сквозь страх, что накопил невежда,  
сквозь волны, через бурелом.

Браг ждет его за поворотом,  
но не страшны ему враги.  
— Грядущее, открой ворота! —  
он скажет злобе вопреки.

Так он шагает, так летает,  
не чуя ног, не чуя крыл.  
Его надежда окрыляет.  
Он внове целый мир открыл.

## ЖАЖДА

*Ивану Скала,*

Жара.  
Одежду — хоть суши.  
Рубашка вымокла от пота.  
Воды  
на все свои гроши  
накупим —  
тут же пить охота.

Вот нас  
Монмартр встречает,  
горд  
возней быстро  
и балаганов.  
Увы!  
На Place de la Concorde  
мы снова пьем  
из всех фонтанов.

Но пламень в душах  
не исчез,  
он разгорается,  
тревожит.  
Тут даже сам Булонский лес  
своей прохладой  
не поможет.

Такая жажда!  
Почему  
томимся мы  
меж стен высоких?  
Томит нас жажда  
по нему —  
по свету наших стран далеких.

Тут не напьешься, хоть водой  
от головы до ног  
окатят.  
А там,  
под нашею звездой,  
нам и одной росинки  
хватит.

Росинки с алых медуниц  
и мягких трав,  
чей дух так сладок.  
Воды  
из дремлющих криниц,  
и воздуха,  
и тонких радуг.  
Росы  
к улыбке склонных уст  
любимых нами жен-славянок.  
Росы  
непогрешимых чувств  
и партизанских всех полянок.  
Воды  
от заводской трубы,  
где встанет  
новый цех однажды,  
от песенной моей судьбы...  
О, будь благословенна,  
жажда!

## **БОЛГАРИЯ**

Не становились мы под стяг чужой,  
нет в наших душах закоулков скрытых.  
Отдали мы любовь стране родной,  
взраставшей нас — простых и знаменитых.

Болгария!  
Высокий небосвод,  
то ясный, как родник, то снова темный,  
где серый сокол медленно плывет  
и яростные блещут стрелы молний.

Вершины, где в лихие времена  
свой стан разбойный ставил воевода;  
поля, в которых золотого зерна  
течет в ладони доброго народа...

Ты отвергаешь тишь, покой и сны —  
орлу без неба не бывать счастливым.  
Предвестьем наступающей весны  
упал на землю полноводный ливень.

Кипят сердца. Ветра во все концы  
летят. Встают неожиданные преграды.  
И вновь в походе дети и отцы  
бой за тебя приемлют, как награду.

Болгария!  
Веди нас и зови  
к вершинам дней, большим трудом добытых.  
Несем знамена чистые твои,  
нет в наших душах закоулков скрытых.

## РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

— *Может быть, мы должны отказаться от своих прежних книг...*

*(Реплика)*

Мои книги!  
Я за вас не покраснею!  
С вами я поговорю о вас.  
Вас назвать ненужными  
не смею,  
и не знаю я,  
придет ли этот час...

Много, много помнят ваши строки —  
вьется знамя всех боев жестоких.  
И живет в вас,  
не подвластен тленью,  
огневой вулкан —  
Соппротивление.

Снова вижу в грохоте, в крови  
летний день большой моей любви  
и осенний плод порывов чистых —  
веру поседевших коммунистов...

Нет, прощаться с вами мне не нужно:  
вы — зарубки на моем пути,  
вы — весна, нагрянувшая дружно,  
вы нужны мне, как ребенку нужно  
молоко единственной груди...

Знаю, пронесутся пули мимо,  
все любовь моя пройдет, горда.  
Наше лето тихо сменят зимы,  
станет льдом бегучая вода.

Будете со мной вы и тогда,  
опаленные в моих тревогах,  
листья забывшейся весны,  
синий сплав законов наших строгих,  
гребень откатившейся волны...

Если в вас удачу обнаружу —  
будто кров нашел я в злую стужу,  
и смотрю я грустно, без улыбки  
на свои немалые ошибки.

Может, оборвется скоро путь.  
Может.  
Пусть!

Вы ведь не покинете меня  
на пути, что будет все короче.  
В свете наступающего дня,  
в темноте придвинувшейся ночи —  
вы — моя бессмертная любовь,  
ярость, изготовленная к бою,  
вы — призыв,  
звучащий вновь и вновь,  
как и правда,  
сказанная мною.

---



## СОДЕРЖАНИЕ

Земля. Перевел О. Шестинский. . . . .	3
Исповедь. Перевел В. Фирсов. . . . .	3
У отца. Перевел А. Кленов. . . . .	4
«Я в эту ночь окинул взором путь...». Перевел С. Куняев . . . . .	5
Погибшим ремсистам Перевел А. Кленов . . . . .	5
Мать коммуниста. Перевел О. Шестинский. . . . .	6
«Голос во поле нежен...». Перевел О. Шестинский. . . . .	6
Пароль эпохи. Перевел Вас. Федоров. . . . .	7
Неискренние. Перевел О. Шестинский. . . . .	8
Желание. Перевел В. Парфентьев. . . . .	8
Предсказание. Перевел И. Харабаров. . . . .	9
Заверение. Перевел В. Виноградов . . . . .	11
Путь коммунистов. Перевел О. Шестинский . . . . .	12
Пер-Лашез. Перевел В. Виноградов . . . . .	13
Лето. Перевел А. Кленов. . . . .	14
Любовная песня. Перевел А. Кленов . . . . .	15
Интимно. Перевел А. Кленов. . . . .	15
Свадьбы. Перевел О. Шестинский . . . . .	16
Путник. Перевел Л. Кондырев. . . . .	16
«Ты ушла...». Перевел С. Куняев . . . . .	18
«Утомленная жаждой река...». Перевел Н. Пан- ченко . . . . .	18
Песнь земли. Перевел А. Кленов. . . . .	19
«Тревожной полуночью порой...». Перевел С. Ку- няев . . . . .	20
Сердце. Перевел В. Виноградов . . . . .	20
Зима. Перевел В. Виноградов. . . . .	21
Спор. Перевел В. Виноградов . . . . .	22
Ленин. Перевел О. Шестинский. . . . .	23
В походе. Перевел Е. Долматовский. . . . .	24
Герою. Перевел О. Шестинский. . . . .	25
Когда рождаются надежды... Перевел А. Кленов. . . . .	26
Жажда. Перевел В. Виноградов. . . . .	27
Болгария. Перевел В. Виноградов. . . . .	28
Разговор с самим собой. Перевел В. Виноградов. . . . .	29

**Павел Матев**  
**СИГНАЛЫ СЕРДЦА**

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

---

**А 10758. Подписано к печати 4/XI 1966 г. Формат бум. 70×108<sup>1/32</sup>.  
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 114 700.  
Изд. № 2117. Заказ № 2354. Цена 4 коп.**

---

**Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.  
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**



## **ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ!**

**ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ВОПРОСАМ  
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**ГРОШЕВА Е. А.** Большой театр СССР в прошлом и настоящем (серия «В помощь слушателям университетов культуры»). Изд-во «Музыка». 1962 99 стр. Цена 38 коп.

Читатель найдет в брошюре интересные сведения об артистах Большого театра, его традициях, репертуаре — классическом и современном.

**КАЛИННИКОВ В.** Письма, документы материалы. Музгиз 1959. Том I — 432 стр. Том II — 559 стр. Цена 1 руб. (оба тома).

Василий Калинин — автор двух широко популярных симфоний и ряда других произведений. Страницы короткой жизни русского композитора запечатлены в его письмах, а также в письмах его современников.

**КАРПЕНТЬЕР А.** Музыка Кубы. Перевод с испанского Н. Сердюковой Музгиз 1962. 164 стр. Цена 15 коп.

Это первая изданная в нашей стране работа, посвященная истории музыкального искусства героического кубинского народа. Книга иллюстрирована.

**Уважаемые читатели!**

Предлагаемую литературу вы можете приобрести в местных нотных магазинах или в нотных отделах книжных магазинов. В случае отсутствия нужных книг обращайтесь по адресу: Москва: А-171, 1-й Новоподмосковный пер., 4, магазин № 102 «Ноты — почтой», заказ можно также направить по адресу: Москва, ул. Горького, 15, магазин «Советская музыка». Книги будут высланы наложенным платежом.

**«СОЮЗКНИГА».**